

DOI: 10.31857/S086904990014798-9

Оригинальная статья / Original Article

Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России

© А.А. ЭНДРЮШКО

Эндрюшко Анна Александровна, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), anna.endryushko@mail.ru

Автор статьи на основе количественных опросных данных впервые анализирует распространённость основных транснациональных практик мигрантов из государств постсоветского пространства в Московском регионе. Эмпирическую базу исследования составили социологические опросы мигрантов, проведенные в 2017 и 2020 гг. Центром этнополитических и региональных исследований для НИУ ВШЭ и коллективом Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН. Автор делает вывод о том, что мигранты тесно связаны со странами исхода, и транснациональные практики широко распространены среди них. Основу связей составляют частые выезды в страну исхода, наличие там большого количества родственников, регулярное общение с ними, а также постоянные денежные трансферты мигрантов на родину, которые составляют значительную долю экономики домохозяйств в странах-донорах миграции. Взаимосвязь транснациональных практик (в т.ч. денежных переводов) с долгосрочностью миграционных стратегий респондентов позволяет предположить, что переориентация миграции с краткосрочной на долгосрочную будет уменьшать и масштабы транснационализма.

Ключевые слова: миграция, транснационализм, транснациональные практики, транснациональные социальные пространства, денежные переводы мигрантов, постсоветское пространство

Цитирование: Эндрюшко А.А. (2021) Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России // Общественные науки и современность. № 5. С. 56–71. DOI: 10.31857/S086904990014798-9

Transnational Practices of Migrants from Post-Soviet States in Russia

© A. ENDRYUSHKO

Anna A. Endryushko, Institute of Sociology FCTAS RAS of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), anna.endryushko@mail.ru

Abstract. For the first time, using quantitative survey data, the author analyzes prevalence of the main transnational practices of migrants from the post-Soviet states in the Moscow region. The empirical basis of the study consists of the sociological surveys of migrants conducted in 2017 and 2020 by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies for the Higher School of Economics and the team of the Center for the Study of Interethnic Relations of the IS FCTAS RAS. The author concludes that close relationships exist between migrants and their countries of origin, as well as the widespread prevalence of transnational practices. The basis of ties consists of frequent trips to the country of origin, the presence of a large number of relatives in the country of origin, regular communication with them, as well as regular cash transfers from migrants to their homeland, which form the basis of the household economy in these countries. The correlation of some transnational practices (including remittances) with the long-term migration strategies of the respondents suggests that the reorientation of migration from short-term to long-term will also reduce the scale of transnationalism.

Keywords: migration, transnationalism, transnational practices, transnational social spaces, remittances of migrants, post-Soviet space

Citation: Endryushko A. (2021) Transnational Practices of Migrants from Post-Soviet States in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 56–71. DOI: 10.31857/S086904990014798-9 (In Russ.)

Миграционные процессы в мире за последние десятилетия стали масштабнее, и Россия, которая ежегодно принимает значительные потоки трудовых мигрантов¹, в полной мере включена в данный процесс. В разных регионах мира миграция населения имеет свои особенности. В России уникальность ситуации выражается в притоке иммигрантов из стран, которые в недавнем прошлом составляли с ней единое государственное пространство. В настоящее время с большинством из таких государств Российская Федерация сотрудничает в разных сферах экономики и политики, создает союзы (например, Евразийский экономический союз²).

В свою очередь массовые перемещения людей меняют социальные портреты современных независимых государств. Исследования миграции на постсоветском пространстве сегодня представляют интерес для разнообразных научных дисциплин – демографии, экономики, социологии, антропологии. Большинство исследований ученые проводят в рамках концепции интеграции [Абашиш 2018, 205-206], рассматривая инкорпорирование мигрантов в разные сферы принимающего общества. Вместе с тем миграционные перемещения людей внутри СНГ, где центром притяжения стала Россия, требуют научного осмысления не только с позиции интеграции мигрантов в стране приема, но и с учетом формирования связей между принимающим и посылающими обществами. Данные связи мигранты создают и поддерживают через национальные границы. Их анализ может быть осуществлен в рамках концепции транснационализма.

¹ Около 90% от общего количества пребывающих иностранных граждан составляют выходцы из постсоветских государств.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) подписан в Астане 29.05.2014.

Теоретическая рамка и эмпирическая база исследования

Зародившаяся около века назад среди классиков Чикагской школы социологическая традиция изучения миграции трактовала ассимиляцию как единственно возможный способ включения новых членов в принимающее общество. Сегодня, когда и социальная реальность в целом, и миграционные процессы в частности значительно изменились, а «оседлость больше не рассматривается как норма» [Бредникова 2020, 5], популярной концепцией в исследованиях миграции стал транснационализм.

Транснационализм зародился в Европе в 1990-е гг. в исследовательском коллективе под руководством Н. Глик Шиллер и ее соавторов. Они ввели в обиход понятие транснационализма (transnationalism) как процесса, с помощью которого мигранты создают социальные поля, которые связывают воедино страну их происхождения и страну проживания [Glick Schiller et al. 1992]. Мигранты, которые развивают и поддерживают множественные социальные и экономические связи в двух и более обществах, становятся трансмигрантами (transmigrants).

Речь идет не о постоянном физическом перемещении между двумя странами, а о ситуации, когда человек физически находится в одной стране, но регулярно общается с оставшимися дома родственниками и друзьями, переводит деньги на родину, получает информацию о происходящих там событиях и по-прежнему вовлечен в отдающее сообщество. В современных условиях осуществлять такие действия легко благодаря развитию технологий и интернета, расширению возможностей перемещения людей [Foner 2000]. Теперь мигранты создают социальные поля, которые пересекают не только географические, но и политические, культурные и другие границы [Vertovec 2003].

Подходы к феномену транснационализма развиваются и сейчас. Данную концепцию скорее можно назвать совокупностью теорий с разным терминологическим аппаратом. Так, А. Портес, продолжая идеи транснационализма, развивал понятие транснациональных социальных полей. Их формируют мигранты, которые говорят на двух языках, имеют в разных странах социальные (например, семейные) и экономические (например, жилье или бизнес) связи [Portes et al. 1999]. Он отказался от термина «трансмигрант», утверждая, что не всех современных мигрантов можно назвать транснациональными. Подход Т. Файста и Л. Приса основан на идее транснациональных социальных пространств (transnational social spaces), под которыми авторы понимали совокупность социальных связей, сетей, институтов, символических полей, которые существуют в двух и более географических местах [Pries 1999; Faist 1998]. Одновременно транснациональные социальные пространства часто не совпадают с пространствами физическими и символическими [Pries 2001, 2-33]. Они могут объединять несколько регионов или стран, предполагая циркуляцию не только материальных объектов, но и значимых для мигранта ценностей и смыслов [Faist 2013].

Концепция транснационализма подробно описана и в других российских работах [Кайзер, Бредникова 2004; Степанов 2018 и др.]. Исследователи эмпирически применяли ее для исследования повседневного конструирования транснациональности мигрантами из Средней Азии в Санкт-Петербурге [Бредникова 2020; Резаев, Степанов, Лисицын 2020 и др.], изучения постсоветских эмигрантов в США [Степанов 2017], роли различных вещей и смыслов в транснациональных практиках мигрантов из Средней Азии [Пешкова 2018], а также для исследования интернет-пространств и так называемого «транснационализма онлайн» [Стариков, Иванова, Ни 2018; Трегубова 2019].

Несмотря на возрастающее количество работ по изучению внешней миграции, концепция транснационализма пока мало востребована в российских исследованиях. Упомянутые выше труды, во-первых, выполнены в качественной социологической парадигме. Автору статьи не удалось обнаружить исследования транснациональных практик мигрантов в России, выполненных на основе количественных опросных данных.

Во-вторых, практически все они сосредоточены на мигрантах из Средней Азии и игнорируют опыт выходцев из других государств. В данной статье указанные пробелы будут в некоторой мере восполнены.

Транснационализм при изучении миграции рассматривают и как исследовательскую оптику, которая позволяет выйти за рамки национального государства как единицы анализа, и как эмпирически фиксируемый феномен, который можно измерить. В рамках данной статьи мы обратимся ко второму пониманию, на основе подхода А. Портеса. Он определял транснационализм как деятельность, которая требует регулярных и устойчивых социальных контактов в течение длительного времени через национальные границы [Portes 2001, 182]. В качестве индикаторов измерения транснационализма мы определяем практики, которые позволяют поддерживать и укреплять связи между посылающим и принимающим сообществами: поездки в страну исхода; частота общения с близкими, которые проживают на родине; денежные переводы³.

Цель данной статьи состоит в определении объема и масштабов транснациональных практик мигрантов из стран постсоветского пространства в России в разные годы. Также автор намерен изучить, как на отдельные транснациональные практики влияет стаж миграции, миграционные стратегии (долгосрочные и краткосрочные) и страна исхода.

Эмпирическую основу исследования составили данные социологических опросов трудовых мигрантов из постсоветских государств в Московском регионе (Москве и Московской области), проведенные весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований (рук. В. И. Мукомель) по заказу НИУ «Высшая школа экономики» и осенью 2020 г. коллективом Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН (рук. В. И. Мукомель). В 2017 г. опрошен 4271 респондент, в 2020 г. – 700. В исследованиях использован блок вопросов, посвященных транснациональным практикам мигрантов. Сравнение данных 2017 и 2020 гг. позволит рассмотреть транснациональные практики мигрантов в два социально значимых периода – допандемийный и во время пандемии COVID-19. Предполагается, что введение карантинных ограничений и закрытие государственных границ повлияли на изучаемые практики.

Учитывая, что транснационализм подразумевает одновременное включение мигрантов в социальные поля как минимум двух национальных государств, стоит отметить, что большая часть респондентов как минимум адаптирована в России. Свыше 90% работают или учатся в стране (2017 и 2020 гг.), а в социальные контакты мигрантов включены представители принимающего населения: 45% опрошенных работают в смешанных коллективах с местными жителями, еще 6% работают в коллективах, куда входят только местные (москвичи), а 4% трудятся с россиянами из других регионов России⁴ (2017 г.). Наконец, оба опроса проводили на русском языке, то есть респонденты владеют им на том или ином уровне. 73,4% опрошенных сказали, что используют русский язык на работе, 21% – говорят там на двух языках: русском и другом (2020 г.).

Поездки в страну исхода

Несмотря на то, что концепция транснационализма акцентирует внимание не на физических перемещениях индивидов, а на их жизни «одновременно в двух обществах», регулярные визиты на родину можно назвать одной из основных транснациональных практик. Ввиду различных подходов к определению долгосрочности миграции в разных странах вопрос о том, что именно считать регулярными поездками, остается открытым.

³ Объяснение выбора данных практик в качестве «рабочих» индикаторов транснационализма см.: [Stanek, Hosnedlová 2012].

⁴ Менее 30% сказали, что работают в мигрантских коллективах с выходцами из своей или других стран.

Как аналитическая категория данная практика в 2020 г. оказалась в «заложенниках» у пандемии. В ситуации закрытых межгосударственных границ мигранты не могли физически перемещаться на работу в Россию и обратно в страну исхода. В данный период их пребывание в РФ не было привязано к документам о пребывании и трудовой деятельности, срок действия которых был продлен российскими властями⁵. На момент исследования в 2020 г. пандемия длилась более полугода, в связи с чем вопрос о последнем визите на родину респондентам не задавали. Данные интернет-опроса, который летом 2020 г. провели НИУ ВШЭ и ИС ФНИСЦ РАН, показывают, что, несмотря на сложную обстановку на российском рынке труда, более 75% мигрантов, находившихся в России, не собирались выезжать на родину в ближайшие месяцы, чтобы «переждать там трудности», а 57% опрошенных в странах исхода собирались приехать в Россию на 3 месяца и более [Денисенко, Мукомель 2020, 96-100].

В «допандемийную эпоху» (2017 г.) 52,3% трудовых мигрантов относились к числу «циркулярных», т.е. проводящих в России не более года, 33,2% – к долгосрочным (не выезжающим год и более), а 14,5% опрошенных впервые прибыли в страну⁶. Последнюю категорию анализировать не имеет смысла, так как более 90% таких поездок совершаются на срок до полугода (по данным опроса 2017 г.). В дальнейшем мы исключили из анализа новоприбывших мигрантов.

Среди имеющих миграционный опыт 39% являются долгосрочными мигрантами, а 61% – циркулярными, т.е. совершают регулярные поездки на родину. От длительности миграционного опыта эта практика не зависит, т.е. отсутствуя значимые различия между имеющими 5-, 10- и более чем 10-летний бэкграунд (рис. 1).

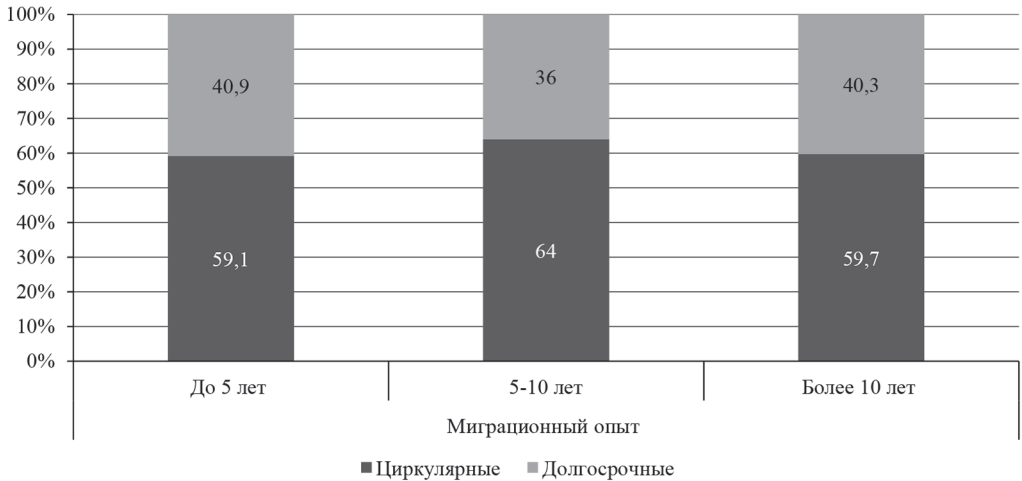

Рисунок 1. Миграционные стратегии в зависимости от длительности миграционного опыта, 2017 г., в %

Figure 1. Migration strategies depending on the duration of migration experience, 2017, %

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 N274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Официальный сайт Президента России. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45441>).

⁶ Мигранты из данной категории приехали в Россию в первый раз не позднее, чем за 14 месяцев до опроса (опрос проводился весной 2017 г., т.е. к ним мы отнесли приехавших первый раз с 2016 г.). Категории долгосрочности миграции выделил В. И. Мукомель.

Тот факт, что длительность миграционного опыта не влияет на миграционные стратегии мигрантов, можно объяснить связью последних с изначальными ориентациями мигрантов на проживание в РФ. Больше всего долгосрочных мигрантов среди ориентированных на жизнь в России (45,1%), а меньше – среди ориентированных только на временные поездки для заработка (19,4%). Мигранты, которые планируют прожить в России год-другой и вернуться, а также те, кто намерен постоянно ездить между ней и страной исхода или вскоре переехать в другую страну, примерно в равных долях делятся на долгосрочных и циркулярных (рис. 2).

Рисунок 2. Миграционные стратегии в зависимости от ориентаций мигрантов на проживание в России, 2017 г., в %

Figure 2. Migration strategies depending on migrants orientation towards residence in Russia, 2017, %

Наблюдаются и межстрановые различия. Больше всего долгосрочных мигрантов (не покидающих РФ год и более) в Московском регионе среди граждан Армении и Украины – 44,5% и 44,7% соответственно (2017 г.). Чуть меньше их – среди выходцев из Таджикистана (36,6%), Azerbaijandzhan (35%), Uzbekistan (34%). Чаще других выезжают на родину мигранты из Кыргызстана, Беларуси и Молдовы – только 28%, 27,3% и 29,3% из них соответственно можно назвать долгосрочными. Мигранты из Кыргызстана также выделяются по доле впервые прибывших – 23%. У мигрантов из остальных перечисленных стран доля таких мигрантов не превышает 12%, меньше всего новоприбывших из Молдовы (5,9%) и Azerbaijandzhan (6,6%).

Стоит отметить, что по полученным данным мы не можем оценить поездки, которые мигранты расценивают условно как «гостевые» или «отпускные», т.к. они отвечали на вопрос о количестве месяцев проживания в России. Они могут не рассматривать краткосрочные или вынужденные выезды на родину (например, на семейные праздники) как прерывание своего проживания, в то время как в рамках концепции транснационализма такие визиты входят в практику поездок на родину и выстраивания взаимоотношений через национальные границы.

Оставшиеся на родине близкие и общение с ними

В рамках концепции транснационализма родственники, друзья и знакомые мигрантов, проживающие на родине, входят в транснациональные социальные поля (по терминологии А. Портеса) вне зависимости от наличия у них миграционного опыта.

Данные опросов показывают, что на постсоветском пространстве транснациональные социальные поля тесно переплетены: более 90% респондентов в обеих выборках сказали, что у них остался кто-либо из родственников в стране исхода. Чаще всего к ним относятся родители, братья и сестры, у значительной части респондентов на родине проживают супруги (28-32%) и дети (46-54%). Не более 4% заявили о том, что «никого из членов семьи не осталось» (таб. 1).

Таблица 1

Наличие у мигрантов родственников в стране исхода, в %*

Table 1

Share of migrants who have relatives in the country of origin, %

Кто из членов Вашей семьи живет в стране, откуда Вы приехали?	2017 г.	2020 г.
Жена/муж	31,9	28,3
Ребенок/дети	46,4	54,3
Родители (один из родителей)	77,3	75,4
Брат (братья), сестра (сестры)	64,4	72
Другие члены семьи	37,6	45
Никого из членов семьи не осталось	3,7	4
Нет ответа, з/о	0,1	0,1

* Множественный вопрос, возможно более одного варианта ответа.

В 2020 г. (по сравнению с опросом 2017 г.) **большее** количество респондентов ответили, что их дети проживают на родине. С введением карантинных мер и дистанционного обучения некоторые мигранты могли успеть вывезти детей на родину до закрытия границ.

Наличие определенных категорий родственников в стране исхода различается у мигрантов с разными миграционными стратегиями. Так, проживают на родине супруги у 37,8% циркулярных мигрантов, и только у 23,8% долгосрочных; дети – у 53,3% циркулярных и 39,2% долгосрочных; братья и сестры – у 68,6% циркулярных и 55,8% долгосрочных (2017 г.).

Такая же связь наблюдается и с миграционными ориентациями мигрантов. Только у 14,9% респондентов, которые планируют остаться в России навсегда, супруги проживают на родине. Однако среди тех, кто намерен поработать год-другой и вернуться в страну исхода или постоянно ездить между двумя странами, таких 37,8% и 41,7% соответственно. Такая же динамика наблюдается и в данных по мигрантам, чьи дети остались в стране исхода.

Чаще остальных имеют трансграничные семьи мигранты из Таджикистана и Узбекистана – у 43-45% есть супруги на родине, 51-55% оставили там детей. Также сообщили о наличии детей на родине 48,6% опрошенных граждан Беларуси, 46,5% мигрантов из Кыргызстана и около 38% – из Азербайджана и Украины. Только 17,9%, 19% 21% опрошенных выходцев из Армении, Украины и Молдовы соответственно сказали, что их супруги проживают в стране исхода.

Современные цифровые технологии позволяют всегда оставаться на связи. Трансграничные мигранты активно пользуются такими возможностями, общаясь с близкими в большинстве случаев каждый день и несколько раз в неделю – более 70% в 2017 г. и более 90% в 2020 г. (рис. 3). Лишь около 6% респондентов общаются с живущими в стране исхода несколько раз в год или вовсе не общаются с ними.

Рисунок 3. Частота общения мигрантов с близкими, живущими на родине, в %

Figure 3. Frequency of communication between migrants and their relatives living in home countries, %

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы, сделав ежедневное общение еще более распространенным, что логично в ситуации закрытых границ, беспокойства за здоровье близких и общего уровня стресса мигрантов из-за возможных жизненных трудностей (потеря работы, проблемы с жильем).

Регулярность общения с близкими на родине фактически не зависит ни от миграционных ориентаций мигрантов (остаться в России навсегда или поработав год-другой вернуться), ни от длительности их миграционных стратегий (циркулярные или долгосрочные). Значимые межстрановые различия также отсутствуют.

Транснациональные социальные поля мигрантов могут включать не только родственников и знакомых, но и формальные организации, которые ориентированы на «укрепление национальной идентичности за рубежом или коллективное проведение культурных мероприятий» [Portes 1999, 221]. К ним можно отнести диаспорные организации: национально-культурные автономии, объединения, центры. Концепт диаспоры появился гораздо раньше концепции транснационализма, но оба они связаны с расселением людей одной национальной/этнической принадлежности в разных странах, что и определяет взаимопроникновение этих феноменов в исследованиях [Georgiou 2006; Sökefeld 2006].

Диаспорные организации, которые сформировали выходцы из республик бывшего СССР в России, неоднородны по своему составу: они включают в себя как переехавших в рамках единого государственного пространства (до 1991 г.) и давно интегрированных в российское общество, так и недавно прибывших мигрантов. Однако зачастую подобные организации не ориентированы на помощь трудовым мигрантам [Эндрюшко 2019], контакты с ними крайне ограничены, а деятельность направлена скорее на российских граждан

соответствующего происхождения (например, азербайджанского, киргизского, молдавского и т.д.) [Мукомель 2018].

Данную тенденцию подтверждают опросные данные. Только четверть респондентов (26,6% в 2017 г.) знают о «своих» национально-культурных центрах, ассоциациях, объединениях и т.п. в России, 71,1% утверждают, что такие организации им неизвестны. Данные не меняются в зависимости от длительности миграционной стратегии мигрантов. Чаще всего о диаспорных организациях знают граждане Азербайджана, Армении (45-48% опрошенных), реже – мигранты из Кыргызстана (34%), Узбекистана (25%), Таджикистана (27%) и Украины (20%), почти не знают – выходцы из Беларуси (13,5%) и Молдовы (15,5%). Скорее всего данная динамика связана с наличием и активностью самих организаций, а также давностью миграционных потоков из соответствующих стран.

В исследовании 2020 г. данный вопрос не задавался. Ситуация могла измениться в период пандемии, когда мигранты получали помощь от различных организаций, в том числе и диаспорных⁷. Тем не менее, данные организации в России едва ли можно назвать частью транснациональных социальных полей большей части мигрантов.

Денежные трансферты на родину

Денежные переводы мигрантов имеют большое значение не только для бюджета их семей на родине, но и для экономики самих посылающих государств. Так, в 2017 г. они составили 35,4% от ВВП Таджикистана, 28,7% – Кыргызстана, 20,5% – Молдовы, 15,5% – Армении⁸. Общий объем денежных переводов из России в страны СНГ был равен 12,9 млрд долл. США в 2017 г., в 2018 – 13,3, в 2019 – 12,9. В 2020 г. на фоне пандемии COVID-19, экономического кризиса, а также из-за ограничения трудовой миграции в связи с закрытием границ переводы снизились до 11 млрд долл. Таджикистан, Кыргызстан и Молдова наиболее зависимы от денежных переводов мигрантов, а Беларусь, Украина и Азербайджан – наименее.

По данным Центрального банка РФ, средняя сумма одного перевода варьируется между странами назначения. Наибольшие значения в 2019 г. приходились на Узбекистан, Азербайджан, Армению, Украину, наименьшие – на Таджикистан (таб. 2). В 2020 г. средний размер перевода уменьшился по странам Средней Азии на 11-25%, по остальным странам не изменился или увеличился.

Наблюдать за переводами мигрантов может быть сложно из-за проблем, связанных с выделением потоков в денежной и неденежной формах, с учетом неформальных каналов передачи денег. В связи с данной особенностью принято использовать несколько источников – международные системы учета и отчеты операторов денежных переводов, а также данные обследований и косвенные оценки [Денисенко, Козлов, Фаттахова 2015, 5-7]. Поэтому обратимся к результатам опросов мигрантов.

Возможность улучшить материальное положение служит основным стимулом миграции из постсоветских стран в Россию – 52,8% опрошенных планировали «найти работу с хорошим заработком», еще 34,6% намеревались найти «хоть какую-то работу» (2020 г.).

Три четверти опрошенных мигрантов посылают (отвозят) деньги на родину: в 2017 г. таких было 74%, в 2020 – 77,9%. Чаще посылают (отвозят) деньги циркулярные мигран-

⁷ См., например: Таджикиские диаспоры в России обсудили поддержку соотечественников в пандемию. (<https://muhojir.info/news/1052>).

⁸ Расчеты автора на основе данных Центрального банка РФ и Всемирного банка: Трансграничные переводы физических лиц по основным странам-контрагентам. Центральный банк России. Официальный сайт. (<https://cbr.ru/statistics/?CF.Search=трансграничные&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo>). Данные Всемирного банка. (<https://data.worldbank.org/country>).

ты – 78,8% против 69,5% у долгосрочных. Частота трансферов зависит и от длительности миграционного опыта – чем меньше у респондента миграционный опыт, тем чаще он посылает деньги на родину (рис. 4).

Таблица 2

Денежные переводы физических лиц-нерезидентов в страны СНГ, в долларах США

Table 2

Money transfers by non-resident individuals to the CIS countries, in US dollars

Страна назначения	Средний размер одного перевода			
	2017 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. в % к 2019 г.
Узбекистан	398	442	393	89
Таджикистан	197	197	159	81
Кыргызстан	351	269	203	75
Азербайджан	311	335	353	105
Армения	354	325	344	106
Украина	281	325	362	111
Молдова	310	313	337	108
Беларусь	324	270	269	100

Источник: Центральный банк РФ.

Рисунок 4. Доля респондентов, осуществляющих денежные переводы на родину в зависимости от миграционного опыта респондентов, 2020 г., в %

Figure 4. Share of respondents making remittances to their home countries, depending on the migration experience of respondents, 2020, %

Средняя сумма переводов чувствительна к экономическим изменениям, курсу доллара и среднему уровню заработной платы мигрантов в РФ. В 2017 г. показатель составлял 14 147 рублей, в 2020 г. – 23 914 рублей. Среднемесячный доход мигрантов, по данным опросов в Московском регионе, составил 32 411 рублей в 2017 г., в 2020 г. – 45 439 рублей. Соответственно, они отправляют в страны исхода в среднем до 50% их личного дохода в России (рис. 5).

Рисунок 5. Средний размер ежемесячных денежных переводов мигрантов на родину и их доходов в России, в рублях

Figure 5. Average monthly remittances of migrants to their home countries and their income in Russia, in rubles

Средняя сумма ежемесячных переводов незначительно различается между респондентами с разными миграционными стратегиями (2017 г.)⁹. В межстрановых сравнениях выделяются граждане государств Средней Азии, которые чаще других посылают деньги на родину (более 80% опрошенных), а также представители Беларуси, чьи переводы выше, чем у других мигрантов. Данная особенность, вероятно, обусловлена их более высокими доходами (таб. 3).

Таблица 3

Денежные переводы мигрантов на родину в зависимости от страны исхода, 2017 г.

Table 3

Remittances of migrants to their home countries depending on the country of origin, 2017		
Страна исхода	Посылают/отвозят деньги на родину, в % к опрошенным	Средняя сумма перевода в месяц за последний год, руб.
Азербайджан	62,8	13 495
Армения	52,6	13 265
Беларусь	67,8	16 859
Украина	55,4	12 637
Молдова	68,4	13 614
Кыргызстан	80,5	13 757
Таджикистан	83,9	13 835
Узбекистан	84,4	14 941
Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$.		

⁹ Анализ проводился методом однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

В 2020 г. тенденция сохранилась. Мигранты из Средней Азии посылали деньги на родину чаще, чем приезжие из других стран – 87,7% против 50,5% в среднем у остальных. По ежемесячной сумме переводов в 2020 г. граждане Беларуси (22545 рублей) «уступили» мигрантам из Узбекистана (25849 рублей) и Кыргызстана (25513 рублей).

Выводы

Проведенный анализ показал широкое распространение транснациональных практик мигрантов в России и их тесную взаимосвязь со странами исхода. Более 60% респондентов с миграционным опытом (из числа тех, кто не в первый раз приехал в Россию на момент опроса) регулярно, не реже раза в год выезжают на родину, то есть их жизнь неразрывно связана со страной исхода. Более 90% опрошенных мигрантов включены в социальные поля как минимум двух государств, поскольку имеют родственников на родине. Процесс включенности в социальные поля принимающего и посылающего обществ мигрантов, у которых на родине проживают супруги и дети (30% и 50% респондентов соответственно) можно назвать «разорванным» [Степанов 2019, 110]. Одна из сторон жизни мигрантов – в данной случае семейная – реализуется в границах государства, отличного от того, где он работает или учится. Интенсивность общения с родными, которые проживают на родине, высока для всех мигрантов, независимо от стажа миграции, ее долгосрочности и страны исхода. Более 80% опрошенных коммуницируют с родственниками ежедневно или несколько раз в неделю, а в период коронавирусных ограничений данный показатель превысил 90%. Одновременно институциональные образования, такие как диаспорные организации, не включены в транснациональные социальные поля мигрантов: о них знают не более четверти опрошенных, а участвует в их деятельности, вероятно, еще меньше. Подавляющее большинство (три четверти) мигрантов переводят средства на родину, а размер переводов достигает 50% их доходов в России (2020 г.).

Масштаб транснациональных практик различается в зависимости от страны исхода. На общем фоне выделяются граждане государств Средней Азии – они чаще других имеют трансграничные семьи (супругов и детей, проживающих в стране исхода), а также значительно чаще совершают денежные переводы на родину (87,7% опрошенных против 50,5% в среднем по другим странам, 2020 г.).

Изучаемые транснациональные практики также связаны с долгосрочностью миграционных стратегий респондентов и стажем миграции. Регулярность визитов на родину не зависит от стажа миграции, но она связана с миграционными намерениями респондентов. Мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, реже выезжают в страну исхода, чем те, кто приехал поработать год-другой. Наличие родственников в посылающей стране связано с долгосрочностью миграционных стратегий – циркулярные мигранты (выезжающие из России как минимум раз в год) чаще оставляют там супругов и детей, чем долгосрочные мигранты (практически постоянно живущие в России). Также данный показатель связан с миграционными намерениями: те, кто планирует остаться в России, перевозят в страну свои семьи, в то время как почти у половины циркулярных мигрантов супруги и дети живут на родине. Денежные переводы зависят и от миграционных стратегий, и от стажа миграции – долгосрочные мигранты и те, кто имеет длительный миграционный стаж (более 10 лет), реже посылают деньги на родину. Таким образом, вполне справедливо будет предположить, что гибкость миграционных стратегий (например, когда циркулярная миграция переходит в долгосрочную, а ориентация поработать год-другой превращается в намерение остаться жить в России) будет влиять и на масштабы транснационализма или его отдельных практик.

Результаты, изложенные в данной статье, согласуются с постулатом используемого теоретического подхода о том, что чем ближе страна происхождения мигранта

к стране пребывания, тем более плотный набор транснациональных практик будет у мигрантов [Portes 1999, 224]. В нашем случае высокая интенсивность практик обусловлена также структурной взаимосвязью государств постсоветского пространства: упрощенным (безвизовым) миграционно-правовым режимом, тесными связями между людьми ввиду исторического прошлого. В данном контексте транснациональная перспектива не может быть ограничена изучением основных практик. Следует сосредоточиться на «комбинации символических полей» [Faist 2013, 450] – структуре идентичностей мигрантов (русской и страны исхода), анализе сфер применения родного и русского языков и т.д. Именно символические поля и принадлежности, наложенные на практики, могут дать понимание ориентаций мигрантов на интеграцию в России и реинтеграцию в стране исхода. Необходимо продолжать исследования, которые смогут детализировать выстраивание транснациональности мигрантами на постсоветском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин С. Н. (2017) Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII. М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова (ред.). СПб: Нестор-История. С. 203–220.

Бредникова О. Е. (2020) Интеграция трудовых мигрантов из Средней Азии в российское общество: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / [Место защиты: НИУ Высшая школа экономики]. Москва. 19 С.

Денисенко М. Б., Козлов В. А., Фаттахова А. А. (2015) Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. Т. 2. № 3. С. 5–29.

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. (2020) Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. Т. 7. № 3. С. 84–107.

Кайзер М., Бредникова О. (2004) Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство: сб.ст. Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ. С. 133–146.

Мукомель В. И. (2018) Молдавские мигранты в России: отношение к диаспорным институтам в контексте структуры идентичностей // Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения. Материалы международной научной конференции. Кишинэу. 21 декабря 2017 года. Международная организация по миграции, миссия в Молдове. С. 269–277.

Пешкова В. М. (2018) Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. Том. 26. № 9. С. 167–172.

Резаев А., Степанов А., Лисицын П. (2020) Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. Т. 19, № 2, с. 254–275.

Стариков В. С., Иванова А. А., Ни М. Л. (2018) Транснационализм в режиме Online: Как исследовать миграционные процессы на больших массивах данных? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 213–232.

Степанов А. М. (2017) Анализ транснациональных практик эмигрантов из стран бывшего СССР в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе: русские в Америке или американцы из России? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 196–208.

Степанов А. М. (2018) Транснациональные практики: к вопросу об определении понятия // Петербургская социология сегодня. № 10. С. 38–49.

Степанов А. М. (2019) Транснациональные практики и проблема интеграции трудовых мигрантов из республик Средней Азии в России // Мир политики и социологии. № 5. С. 106–112.

Трегубова Н. Д. (2019) Можно ли стать мигрантом в интернете? Как онлайн-культура меняет транснациональную миграцию в XXI веке // Молодежь XXI века: образ будущего. Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2019 года. Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт. С. 494–495.

Эндришко А. А. (2019) Роль азербайджанских национально-культурных объединений в поддержании межэтнического согласия (на примере ФНКА Азербайджан) // *Этносоциум и межнациональная культура*. № 11(137). С. 79–93.

Faist T. (1998) Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // *Archives Européennes de Sociologie*. Vol. 39 (2). P. 213–247.

Faist T. (2013) Transnationalism. *Routledge International Handbook of Migration Studies*. Ed. by Gold S. J., Nawin S. J. P. 449–459.

Foner N. (2000) Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture // *The International Migration Review*. Vol. 34. N 1. P. 255–262.

Georgiou M. (2006). *Diaspora, Identity and the Media: Diasporic Transnationalism and Mediated Spatialities*. Hampton Press.

Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton (ed.). New York: New York Academy of Sciences. P. 1–24.

Portes A., Guarnizo L., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of Emergent Research. *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 22. No. 2. P. 217–37.

Portes A. (2001) The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism. *Global Networks*. Vol. 1. No. 3. P. 181–193.

Pries L. (1999) *Migration and Transnational Social Spaces*. Aldershot: Ashgate. 219 p.

Pries L. (2001) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century*. London: Routledge. 224 P.

Sökefeld M. (2006). Mobilizing in Transnational Space: a Social Movement Approach to the Formation of Diaspora. *Global networks*, 6(3). P. 265–284.

Stanek M., Hosnedlová R. (2012) Exploring Transnational Practices of Ukrainian Migrants in Spain. *Economics and Sociology*. Vol. 5. No 1. 2012, P. 62–73.

Vertovec S. (2003). Migration and Other Modes of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization. *International migration review*, 37(3), P. 641–665.

REFERENCES

Abashin S. N. (2017) Integratsiya vs transnatsionalizm: migratsionnye strategii zhitelej Central'noj Azii [Integration vs Transnationalism: Migration Strategies of Central Asian People]. *Puti Rossii. Vojna i mir*. Vol. XXII. M. G. Pugacheva, V. P. ZHarkova (ed.). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 203–220.

Brednikova O. E. (2020) *Integratsiya trudovykh migrantov iz Srednej Azii v rossijskoe obshchestvo: avtoreferat dis. ... kandidata sociologicheskikh nauk: 22.00.04* [Integration of Labor Migrants from Central Asia into Russian society: Abstract of Thesis ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04]. Moscow: NIU Vysshaya shkola ekonomiki. 19 p.

Denisenko M. B., Kozlov V. A., Fattahova A. A. (2015) Sovremennye tendentsii denezhnykh perevodov migrantov v Rossii i v mire [Recent Trends in Remittances: Russia and the World]. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 2, no.3, pp. 5–29.

Denisenko M. B., Mukomel' V. I. (2020) Trudovaya migratsiya v Rossii v period koronavirusnoy pandemii [Labor Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic]. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 7, no. 3, pp. 84–107.

Endryushko A. A. (2019) Rol' azerbajdzhanskih nacional'no-kul'turnykh ob'edinenij v podderzhanii mezhetnicheskogo soglasiya (na primere FNKA AzerRos) [The Role of Azerbaijani National-Cultural Associations in Maintaining Interethnic Harmony (on the Example of FNKA AzerRos)]. *Etnosocium i mezhnatsional'naya kul'tura*. no. 11(137), pp. 79–93.

Faist T. (1998) Transnational Social Spaces out of International Migration: Evolution, Significance and Future Prospects. *Archives Européennes de Sociologie*. vol. 39 (2), pp. 213–247.

Faist T. (2013) Transnationalism. In: *Routledge International Handbook of Migration Studies*. Ed. by Gold S. J., Nawin S. J. 2013. pp. 449–459.

Foner, N. (2000) Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture. *The International Migration Review*. vol. 34, no. 1, pp. 255–262.

Georgiou, M. (2006). *Diaspora, Identity and the Media: Diasporic Transnationalism and Mediated Spatialities*. Hampton Press.

Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. Ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences. P. 1–24.

Kajzer M., Brednikova O. (2004) Transnacionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and Translocality (Comments on Terminology)]. *Migratsiya i natsional'noe gosudarstvo*. Ed. T. Baraulina i O. Karpenko. Saint-Petersburg.: CNSI. pp. 133–146.

Mukomel' V. I. (2018) Moldavskie migranty v Rossii: otnoshenie k diaspornym institutsiyam v kontekste struktury identichnostej [Moldovan Migrants in Russia: Attitude to Diaspora Institutions in the Context of the Structure of Identities]. *Diaspory v sovremennom mire: regional'nyj kontekst i potencial dlya ustojchivogo razvitiya strany proiskhozhdeniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Kishineu. pp. 269–277.

Peshkova V. M. (2018) Material'nyj mir migrantov v kontekste transnacional'noj migratsii v Rossii [The Material World of Migrants in the Context of Transnational Migration in Russia]. *Vlast'*. vol. 26. no. 9. pp. 167–172.

Portes A., Guarnizo L., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of Emergent Research. *Ethnic and Racial Studies*. vol. 22. no. 2, pp. 217–37.

Portes A. (2001) The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism. *Global Networks*. vol. 1. no. 3. pp. 181–193.

Pries L. (1999). *Migration and transnational social spaces*. Aldershot: Ashgate. 219 p.

Pries, L. (2001) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century*. London: Routledge. 224 p.

Rezaev A., Stepanov A., Lisicyn P. (2020) Transnacional'nye migranty v prostranstve sovremennogo goroda [Transnational Migrants in the Urban Space of a Modern City]. *Sociologicheskoe obozrenie*. vol. 19. no. 2. pp. 254–275.

Sökefeld M. (2006). Mobilizing in Transnational Space: a Social Movement Approach to the Formation of Diaspora. *Global networks*. no. 6(3), pp. 265–284.

Stanek M., Hosnedlová R. (2012) Exploring Transnational Practices of Ukrainian Migrants in Spain. *Economics and Sociology*. vol. 5. no 1, pp. 62–73.

Starikov V. S., Ivanova A. A., Ni M. L. (2018) Transnacionalizm v rezhime Online: Kak issledovat' migratsionnye processy na bol'shikh massivah dannyh? [Transnationalism Online: Exploring Migration Processes with Large Data Sets]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 5, pp. 213–232.

Stepanov A. M. (2019) Transnacional'nye praktiki i problema integratsii trudovyh migrantov iz respublik Srednej Azii v Rossii [Transnational Practices and the Problem of Integration of Labor Migrants from the Republics of Central Asia in Russia]. *Mir politiki i sociologii*. no. 5, pp. 106–112.

Stepanov A. M. (2017) Analiz transnacional'nyh praktik emigrantov iz stran byvshego SSSR v N'yu-Jorke i Los-Andzelese: russkie v Amerike ili amerikancy iz Rossii? [Analysis of Transnational Practices of the Former USSR Emigrants in New York and Los Angeles: Russians in America or Americans from Russia?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 1, pp. 196–208.

Stepanov A. M. (2018) Transnacional'nye praktiki: k voprosu ob opredelenii ponyatiya [Transnational Practices: on the Definition of the Concept]. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. no. 10, pp. 38–49.

Tregubova N. D. (2019) Mozhno li stat' migrantom v internete? Kak onlajn-kul'tura menyaet transnacional'nyu migratsiyu v XXI veke [Is it Possible to Become a Migrant on the Internet? How Online Culture is Changing Transnational Migration in the XXI Century]. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego. Materialy nauchnoj konferencii XIII Kovalevskie chteniya*. N. G. Skvorcov, YU. V. Aschakov (ed.). Saint-Petersburg: Skifiya-print. pp. 494–495.

Vertovec S. (2003). Migration and Other Modes of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization. *International migration review*. no. 37(3), pp. 641–665.

Информация об авторе

Эндрюшко Анна Александровна, младший научный сотрудник Отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН Российской академии наук. Адрес: Большая Андроньевская ул., д. 5, стр. 1, Москва, 109544. E-mail: anna.endryushko@mail.ru

About the author

Anna A. Endryushko, Junior Research Fellow at the Department of Interethnic Relations Studies, Institute of Sociology FCTAS of the Russian Academy of Sciences (IS FCTAS RAS). Address: 109544, Moscow, Bol'shaja Andron'evskaja Street, 5-1. E-mail: anna.endryushko@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 07.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 14.09.2021